

НИХАО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Олег Механик

18+

Олег Механик

Нихао

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70395727
SelfPub; 2024*

Аннотация

Такого он ещё не видел, хотя, вроде и повидал уже не мало. Добрый десяток, сгрудившихся на перекрёстке машин, напоминает кавказскую свадьбу, или автопати обдолбанных утырков. От праздничной, картинку отличают помятые кузова и слишком уж отчаянный мат, раздающийся из разбитых окон. В пестрящей всеми цветами радуги, железной куче, Михалыч смог разглядеть старый «Чери Тига», «Зашуган» премиум класса, два «Славянина», «Нахал» и новый «Шушпан». Но картинка не остаётся статичной. Уже через секунду, в кучу, с диким рычанием врывается «Чанган Блю Свинота», а ещё через секунду «Москвич». Машины влетают в стальную кучу с радостным ревом, будто голодные собаки в свару за куском мяса. Очередной удар венчает хлопок выстреливаемой подушки и трёхэтажный мат водителя.

Олег Механик

Нихао

06.05. 2036

08:15:24

«Нихао! Шу цу си пу ю э-э!»

– Это что ещё за н-нах!

Федя отрешённо пялится в сияющую панель, где творится что-то невообразимое. Там где должны быть показатели скорости, расхода топлива и температуры, появились жирные иероглифы. Они похожи на страшных чёрных тараканов, которые, каким-то макарон, заползли под матовое стекло панели. В большом экране, вместо карты города, весело машет лапой нарисованный розовый котик.

«Ниха-ао!» – поет писклявый голос, после чего произносит несколько непонятных слов, со множеством шипящих.

Федя пытается выкрутить руль, чтобы согнать сбрендившую машину на обочину, но тот становится неподатливым. Пухлая, обтянутая кожей, баранка, какого то чёрта, начинает вращаться в противоположную сторону. Усилие настолько велико, что Федины руки не могут с ним справиться. Двигатель весело рычит, хотя Федя, давит не на газ, а на тормоз. Машина вылетает на встречную полосу.

– Ай бя...– только и успевает пропищать Федя, видя

летающий ему в лоб внедорожник «Нахал» шестой серии. «Шушпан» разворачивает на сто восемьдесят градусов, и во время этого фуετε, он собирает ещё несколько машин.

Выстрелившая праздничным салютом, фронтальная подушка, отправляет Федю в лёгкий нокдаун. Неистово матерясь и тряся отбитой головой, Федя дёргает за ручку, но понимает, что та намертво заблокирована.

«Шунь тю фу цу шо инь мо-о» – мурлычет в панели невидимая китаянка.

– Чё за херня?! – орёт ей в ответ Федя.

«Цу чу шу э финь ту шо дзи» – отвечает она.

– Бля-я... чё происходит?! – голос Феде переходит в визг.

«Шо ци ху...» – парирует невозмутимый голос.

Упирающаяся в нос подушка, не даёт оценить обстановку. Федя нащупывает в кармане пластиковую коробку, достаёт телефон, с усилием протискивает его под твёрдой как камень подушкой, нажимает на кнопку «Контакты». Его выпученные глаза лезут на лоб. Вместо привычных имен, фамилий и прозвищ, на экране ровным столбцом выстроились иероглифы. Одна строчка – один иероглиф. Там где должны быть просто имена, типа Оли, или Коли, всего несколько витиеватых перекрещенных полосок.

Там же, где к имени добавлено прозвище, должность, или адрес – иероглифы жирные, многоярусные, похожие на сколоченный рукожопым мастером, сарай.

– Да чё за Хренотень! – повторяя избитую мантру, Фе-

дя тычет в самый последний контакт, туда, где под жирной кракозяброй, должно скрываться имя его подружки. В оригинале её зовут Света, но здесь она забита, как «Сеня автосервис». Теперь это имя подверглось ещё одной шифровке – той, которую уж точно хрен, кто разберёт.

Трубка не выдаёт гудков, а мгновенно взрывается знакомым писком.

«Нихао! Ци чу ми шо-оа ту ю фонь...»

– Бля-а! – недослушав, Федя швыряет трубку на пол.

Снаружи, судя по доносящимся до его ушей, звукам, тоже происходит что-то невообразимое. Исполняемая, сотнями вразнобой гудящих сигналов, какофония, перемежается матерками, свистом резины и глухими ударами. Какие-то удары Федя чувствует буквально. Они передаются ему через вибрирующий кузов машины.

«Вот те бля...купил новый Шушпан» – зло шепчет он, чувствуя, очередной удар, который похож на забиваемый в крышку гроба гвоздь.

Удары становятся всё глуше и слабее, а звуки всё дальше. Салон погружается во мрак и Феде кажется, что его закапывают в огромной яме, забрасывая эту яму стальными кузовами.

«Цинь чу фо шо ха-а...» – слышит он перед тем, как забыться.

06.05. 2036

08:15:35

– Да ну на!

Михалыч застывает на тротуаре, выпучив глаза. Такого он ещё не видел, хотя, вроде и повидал уже не мало. Добрый десяток, сгрудившихся на перекрёстке машин, напоминает кавказскую свадьбу, или автопати обдолбанных утырков. От праздничной, картинку отличают помятые кузова и слишком уж отчаянный мат, раздающийся из разбитых окон. В пестрящей всеми цветами радуги, железной куче, Михалыч смог разглядеть старый «Чери Тига», «Зашуган» премиум класса, два «Славянина», «Нахал» и новый «Шушпан». Но картинка не остаётся статичной. Уже через секунду, в кучу, с диким рычанием врывается «Чанган Блю Свинота», а ещё через секунду «Москвич». Машины влетают в стальную кучу с радостным ревом, будто голодные собаки в свару за куском мяса. Очередной удар венчает хлопок выстреливаемой подушки и трёхэтажный мат водителя.

– Да ну на!

Фильтр истлевшей сигареты намертво прилип к отвисшей губе. Онемевшая рука не в силах поднять зажатую в ней бутылку пива.

– Да ну на!

Очередной участник шоу радостно врывается в кучу, зарываясь в ней по самый задний бампер. Это миникупер «Джилли пи-пи», который в простонародье окрестили «Подпиздышем». К нестройному матерному хору прибавляется женский визг.

Вишенкой на торте становится премиальный лимузин «Победа», который, влетев в кучу, словно торпеда, разбирает сгрудившиеся машины по сторонам.

– Да ну на!

Михалычу, таки, удаётся поднять бутылку с пивом на уровень глаз, но только для того, чтобы внимательно всмотреться в этикетку. А точно ли там пиво? Не взял ли он с прилавка по запарке омывайку для окон?

Этикетка красноречиво заверяет, что в бутылке обычное «Жигулёвское».

На белую горячку это тоже не походит. Михалычу есть с чем сравнивать – это состояние он испытывал и не раз. Неужели всё это наяву?

– Да ну на! – в который раз повторяет Михалыч, только сейчас замечая, что на четырёх стоящих по периметру перекрёстка, светофорах, одновременно горят все три цвета. Такого он ещё точно не видел.

В моменте, Михалыч понимает, что не просто может, а даже обязан сделать следующую вещь. Он достаёт из кармана потрёпанный жизнью трёх-симочный «Херхуй» и нажимает на сенсор, чтобы включить камеру. Вместо привычной голой бабы на заставке, Михалыч видит розового котика, который сидит на заднице и машет прямой, как палка, лапой.

«Нихао!» – мяучет котик.

– Чё-ё?! – Старик щурит глаза, вглядываясь в экран.

«Нихао!» – снова пищит котик, повторяя приветственный

жест.

– Ни хуя! – отвечает ему Михалыч. – А где всё? – он имеет в виду иконки, которые его глаз привык видеть на панели. Вместо них весь сенсор усыпан чёрными кракозябriques.

– Да ну на!

Теперь взгляд Михалыча, которым он шарит по окрестностям, становится более внимательным. Он видит толпящихся на тротуаре пешеходов. Все их внимание сконцентрировано на одном зрелище. Нет это не массовая авария случившаяся прямо перед их носом. Все они – все до одного, установились в экраны своих телефонов. Они тычут в них, что-то им говорят и даже угрожают. Все они дружным хором проносят одну мантру.

«Да ну на!».

06.05. 2036

08:15:02

– А я и говорю этому черту. Ты, сосунок, лучше не рыпайся на дядю, который уже на четвёртом уровне. Он мне: пиздишь, даже сам Цыпа ещё на третьем. А я ему тычу в нос телефоном: на, сука, смотри. Читать умеешь? А если не умеешь смотри на монстров...

Стоящие вокруг рассказчика, два пацана и девчонка, дружно захлёб хохочут, обращая на себя недовольные взгляды остальных пассажиров вагона. Ещё один, стоящий чуть в стороне, член молодой компании, не смеётся. Он не слышит рассказчика из-за огромных наушников, нацеплен-

ных поверх вязанной цветастой шапки.

Рассказчика задевает то, что его история не вызывает восторга у приятеля.

– Эй ты чё там один балдеешь? Нельзя от коллектива отделиться. Тимоха слышь?! – Он агрессивно толкает паренька костлявой и длинной как жердь рукой. Тот отбрасывает руку в сторону и отворачивается, закатив глаза.

– Ну и пошёл ты... – обижается длинный рассказчик, одетый в серый плащ с капюшоном. – Опять Мухомора слушает, эстет сраный! – обращается он уже к компании. Прыщавые подростки и девчонка, с розовой прядью на чисто выбритой голове, согласно кивают. По видимому, длинный пользуется в этой компании авторитетом. Только один человек ставит этот авторитет под сомнение. – Классику ему подавай. Да кто её ща слушает? Только одни утырки, вроде нашего Тимохи! – все снова трясутся, издавая противный наигранный ржач.

Поезд останавливается. Стеклопанные двери плавно расползаются в стороны.

«Станция «Парк культуры! – произносит механический женский голос. – Осторожно, двери закрываются. Сле...

Голос внезапно обрывается и на смену ему приходит другой, тонкий, скрипучий, похожий то ли на писк, то ли на стон, то ли на песню. Этого нельзя понять из-за контекста произносимого.

«Нихао! Ца ши зень фу хуа-а-а ча! Мао ли су чу фунь ми

суо-о-о!»

– Это ещё что за новости? – хохочет длинный. – Вы слышали? Они чё теперь на китайском станции объявляют?

– Ну да... наверное. Они уже давно собирались... – отвечает бритоголовая девка, растерянно выпучив безбровые глаза.

– Чё то непохоже. – Пожимает плечами пухлый паренёк. Он не по погоде одет в жёлтую футболку и оранжевые шорты, но будто в оправдание нацепил зелёный шарф и зимние говнодавы на меху. – Мы же китайский в школе проходили.

– Я тоже проходил и чё! Всё равно ни пса не понимаю! – Длинный пренебрежительно морщится. – Вон кто хорошо знает! – он тычет пальцем в приятеля в наушниках. – Этот ботаник в китайской школе учится. – Эй Тимоха...чё щас сказали?

Парень зачем-то прижимает наушники к ушам. Его глаза испуганно бегают, будто там, в наушниках, звучит что-то странное.

Двери закрываются, но уже через секунду, распахиваются снова. Скорость этого открытия намного выше стандартной, и вагон содрогается от удара, вызванного внештатной работой пневмоприводов. Свет на секунду тухнет, потом загорается, после чего начинает мигать. Лампочки освещения, словно передавая эстафету одна к другой, начинают загораться и гаснуть по очереди. Мигающая вереница ползет из одного конца состава в другой, а потом обратно. Все пассажиры поезда, который похож на огромную свёрнутую в дугу

колбасу, смотрят вверх провожая сверкающими от недоумения глазами эти огоньки. Расположенные над выходами мониторы, в одно мгновение, приобретают розовый цвет. Добрый десяток весёлых котиков машет неестественно прямыми лапками, раскрывая мультяшные рты.

«Нихао!» – Произносит дружный писклявый хор, и, прежде чем пассажиры успевают удивиться, поезд трогается. Все двери остаются открытыми, что заставляет некоторых, до этого беспечных пассажиров, вцепиться в поручни мёртвой хваткой. Скорость стремительно прирастает и потоки задуваемого через распахнутые двери воздуха, грозят сбить с ног, стоящих в проходе.

«А-а-а!...Бля-я! Чё происходи-ит! Ма-ма-а-а!» – Эти несколько мантр, размножаются в сотнях криков, и некоторые из них, сливаясь в унисон, образуют страшный хор.

Мигание лампочек; машущие лапами коты; сырые, отдающие могильной свежестью, потоки воздуха из тоннеля; мелькание заплетающихся в косички толстых кабелей, в одно мгновение, превращают летящий состав в подобие адской колесницы.

– Ма-а-ма-а! Па-ма-ги-те-е! – Не успевший ухватиться за поручень, длинный, летит вдоль прохода, будто пуля. Одна секунда, и его врезавшаяся в поручень голова, разлетится на дольки, как спелый арбуз.

Крепкий мужик в пятнистом кителе, хватает паренька, будто ловит пролетающий мимо мяч.

– Далеко собрался, пацанчик? – спрашивает он, сжимая под мышкой худосочный торс. – Сдаётся мне, тебе не на этой станции сходить. – Военный щурит и без того раскосые широкопосаженные глаза, оценивая обстановку. На фронте было всякое, на то он и фронт, но здесь... что могло произойти здесь, в этой безопасной, жизни, которая оттуда кажется белоснежной пуховой периной.

Он присаживается на пол, увлекая за собой нескладную тушку подростка.

– Прорвёмся браток! – Одна жилистая рука крепко ухватилась за поручень; вторая удерживает сухопарого дрища. Тонкое тельце висит на предплечье, будто скинутая в жару, куртка. Сощуренные, привыкшие всматриваться в темноту и в заросли зелёнки, глаза, смотрят в открытый проём, на мелькающие фонари и, ползущие серыми удавами, кабеля. Чутьё подсказывает военному, что это не просто техногенная катастрофа. Это атака. Он не понимает одного – кто атакует и зачем.

«Нихао!»

Его внимание привлекает машущий лапой котик.

– Да ну на! – Солдат уставился на кота, будто только сейчас начал что-то понимать.

«Нихао!»

– Не может быть!

«Нихао!»

– На хуя?!

06.05. 2036

08:15:07

Взгляд Наташи залипает на тостере, с которым что-то не так. Индикаторы режимов начинают весело перемигиваться, внутри, что-то пищит. Этот писк и привлёк внимание хозяйки. Наташа осторожно подходит к, окрашенному в металлик, корпусу, с крупно отпечатанным на корпусе, лейблом «Шпнуа». Из щёлки, куда она минуту назад всунула кусочек свежего батона, валит чёрный дым. Прежде чем Наташа соображает, что прибор нужно срочно выдернуть из розетки, тот издаёт металлический щелчок. Чёрный огарок пулей вылетает из щели и ударяется в потолок, рассыпаясь на мелкие крошки.

– Ты что делаешь, сволочь?! – Злобно шипя, Наташа выдёргивает провод из розетки. Скрипя от негодования плотно сжатыми накаченными губами, она рассматривает чёрное пятно на потолке. Но что-то ей подсказывает, что есть проблема посерьёзней, испорченного потолка и сгоревшего тостера. Ну точно. Она смотрит на этот самый тостер и не может поверить своим глазам. Лампочки продолжают весело перемигиваться; из щели, будто из жерла вулкана, продолжает валить густой дым. Наташа пробегает взглядом от корпуса тостера до розетки, чтобы убедиться, что она выключила именно этот прибор. Ошибки нет, но её внимание переключается на, раздающийся рядом, шум. Новомодная кофеварка фирмы «Shnyaga» жужжит, перемалывая засыпанные

в бункер зёрна.

– Какого хера?! – шепчет Наташа. Она только что приготовила себе кофе и не давала кофеварке никаких указаний, на счёт дополнительной порции. Бешено крутящийся шнек яростно перемалывает зёрна, и хозяйке кажется, что издаваемый им шум и скорость, с которой он работает, отличаются от штатных настроек. Секунду спустя, она замечает ещё одну несостыковку. Шнек работает слишком долго. Засыпанные до верха прозрачного бункера зёрна, стремительно тают. Наташа заворожено смотрит, как в жерле шнека исчезают последние зёрнышки. Вращение останавливается, и в наступившей тишине, слышится работа нагревателя. Наташа, будто, сидящий у телевизора, зритель скандального шоу, ждёт, что же будет дальше. Пауза завершается шипением. На сенсоре появляется розовый котик.

«Нихао! Хень ту су шуо-о ни тю а!» – произносит он, приветливо махая лапкой.

Из обеих краников начинает изливаться пенистая бурая жидкость.

– Да что происходит?!

Наташа смотрит на эту ржавую пену, которая расплзается в разные стороны, покрывая столешницу и стекая вниз.

«Нихао!».

Наташа взвизгивает, и отскакивает в сторону, напуганная ещё одним громким звуком, который раздаётся с противоположного угла кухни. Экран ста шестидесяти дюймового те-

левизора «Zashkvar» вспыхивает, и на нём появляется всё тот же котик, только гораздо больших размеров.

«Нихао...».

Наташу посещает чувство, что она находится в каком-то кошмарном сне. Раздающийся со всех сторон, шум, начинает прирастать. Всё вокруг звенит, пищит, булькает, свистит. Даже вмонтированные в потолок лампочки начинают издавать непривычный жуткий треск.

Босые ступни Наташи ощущают жжение. Это включившийся подогрев, накаляет половую плитку. Что-то надо делать! Единственным, пришедшим в Наташину голову, правильным решением является то, что нужно обесточить квартиру. Она выбегает из кухни в коридор, где находится щиток. Стремглав летя к заветной коробочке, она не замечает, внезапно образовавшееся под ногами, препятствие.

«Ай!».

Наташа спотыкается и плашмя, будто вобла, которой шмякают об стол, шлёпается на плитку. Прикрытое лёгким халатом тело, чувствует нестерпимый жар. Что-то карабкается ей на спину. Это «что-то», что явилось причиной её падения, маленькое, но очень сильное и неумолимое.

«Нихао!» – произносит невидимая сущность, перебирая тяжёлыми стальными лапами по спине Наташи. Она зажмуривается и вскакивает с раскалённого пола, стряхивая с себя непонятное существо. Оно падает, громко бряцая о кафель. Только сейчас Наташа видит, что это робот-пылесос «Pistes

Усеому». С растресканным корпусом, но живой и озлобленный он надвигается на хозяйку дома.

«Нихао!» – хрипит раненый робот.

«Нихао...хао...хао...хао!» – наперебой кричат кухонные приборы.

«Нихао!» – ласково шепчет раскалённый, готовый в любую секунду запалить тюлевую занавеску, уют.

– Идите в жопу! – орёт Наташа. Дрожащими пальцами она открывает пластиковую дверцу, и один за другим щёлкает автоматами. Только выключив последний, она понимает, что ничего не происходит. В квартире по прежнему беснуется электронная дьявольщина. Всё по прежнему шумит, пищит и трещит. Добрый десяток тонких голосков со всех сторон квартиры, произносит странное приветствие.

06.05. 2036

08:15:01

– Я Тополь один-один девять...иду на посадку....

– Тополь один-один девять...посадку разрешаю...занимайте сто двадцатый эшелон.

– Тополь один-один девять...занимаю сто двадцатый эшелон.

– Тополь один один...хр-р...ш-ш-ш...с-с-с...Нихао!

Командир, болезненно морщась, скидывает с себя наушники, будто внезапно навалившуюся заразу. Второй пилот и штурман, словно по команде, делают то же самое.

– Это что ещё за чертовщина! Вы слышали? – командир

бегают недоумевающим взглядом по членам экипажа.

– Какие-то помехи... – растерянно лепечет штурман.

– Да нет... там говорили по китайски. Я точно слышал! – бормочет второй пилот, и командир кивает ему в ответ.

Внезапно, глаза всех троих стекленеют, лица становятся белее мела.

Приборная панель мигает, как новогодняя ёлка, а на небольшом дисплее, вместо индикации показателей, появляется мультяшный кот.

Командир крутит онемевшей головой, будто башней танка. Вглядываясь в мёртвые лица подчинённых, он понимает, что это не галлюцинация, и все трое видят одно и то же.

«Нихао! – мурлычет котик. – Со шуи мао ту ли фао су-у!».

Рычаги приходят в хаотичное движение, показатели на приборах начинают скакать, раздаётся писк десятка предупреждающих об опасности сигналов.

В лобовом окне, плавно покачиваются облака, и, справа от них, расплзается серое пятно. Это земля.

– Тополь один-один девять... у нас внештатная ситуация! – орёт командир в передатчик.

– Шо суи му фо туа сан! – отвечает, льющийся в динамик, певучий женский голос.

– Бля-я что это?! Твою мать! Что за чёрт?! – наперебой орут пилоты.

Дремлющий полумрак салона внезапно оживает. На спинках сидений одновременно включаются десятки экранов.

Двести розовых котиков машут лапками и хором приветствуют разбуженных ото сна пассажиров. У взрослых, мультяшные животные вызывают недоумённые улыбки, а у детишек – визгливый восторг.

Но эти, положительные эмоции, длятся несколько секунд. Вспыхнувший свет, бряцанье индикаторов с нарисованными ремнями и, загоревшаяся красным, световая дорожка, мгновенно вызывают напряжение. Раздаётся звонкая трель двух сотен колокольчиков вызова стюардессы. Никто не притрагивался к кнопкам над сидениями. Одновременно утопившись в панели они загораются, превращаясь в синих светлячков.

«Них-них-них-хао-ао-ао» – разносится по салону размноженное приветствие.

Две сотни голов обеспокоенно крутятся. Салон наполняется настороженным ропотом.

Две, одетые в бордовые костюмчики, девчонки-стюардессы, обнявшись, стоят в тамбуре. Они прижимают друг к другу миниатюрные тельца, не зная, что делать. Связи с кабиной экипажа нет. Из трубки раздаётся какой-то непонятный писк. На информационной панели один из этих проклятых котов, которыми, будто бы заполнен весь салон. Третья стюардесса, пулей прометнувшись по проходу, отчаянно пытается дозвониться в кабину пилотов. Понимая, что никто не собирается открывать заблокированную дверь, она колотит в неё маленьким кулачком и даже пинает ногами.

– Откройте! Откройте же! Там такое творится! Что происходит? – кричит она.

– Я не могу открыть. Блокировка не отключается! – слышит она приглушенный голос штурмана.

В этот момент, самолет начинает мелко трясти, будто его бьёт лихорадка.

Из салона раздаются встревоженные крики.

– Мама, смотри! – маленькая девочка тычет пальчиком в иллюминатор, показывая матери на светящиеся огоньки. Это огни раскинувшегося внизу мегаполиса. Что-то потрясающее есть в этой величественной картинке. Занимая собой весь иллюминатор, она ползёт вверх. Женщина взвизгивает и закрывает лицо ладонями. Этот визг, будто сработавший детонатор, пробуждает десятки других подобных вскриков.

Две сотни сердец начинают учащённо биться. Сотни панических мыслей мечутся по салону, сходясь в один хор, который можно даже услышать.

«Тополь один-один девять... Мы падаем!»

«Нихао!».

06.05. 2036

08:16:00

Пин-н-нь!

Телефон в руке Михалыча вздрагивает. На заставке появляется, привычная глазу, голая баба; кракозябрики пропадают, будто их и не было.

– Во дела! – Михалыч снова оглядывается кругом. Люди на тротуаре словно оттаяли от заморозки. Все облегчённо вздыхают, и вместо того, чтобы отрешённо пялиться в экраны телефонов, начинают тыкать в них пальцами, подносить к ушам, возбуждённо орать в трубку. Они орут наперебой, мечась туда сюда по тротуару и толкая друг друга плечами, будто брокеры на торгах.

«Санька, тут сейчас такое было! У меня телефон... что? У тебя та же херня? А чё за на фиг?!»

«Заец, ты не поверишь! Я сейчас на Мира. Тут огромная авария, так у меня и ещё и телефон накрылся. И ты представляешь? Что?! В смысле не до меня? Чё-ё?!».

«Семён Иванович, я сегодня задержусь! Вы не представляете, что сейчас произошло! Представляете? Как... и у вас? Так это что? Как вы сказали? Глюк?!»

Михалыч не собирается звонить. Он включает камеру и водит телефоном, пытаясь ухватить ценные кадры. Много чего удивительного уже не попадёт в кадр. Светофоры пришли в штатный режим, люди вокруг, хоть и бегают как ошпаренные, но уже похожи на себя, а не на роботов с севшими батарейками. Из всех аномалий остались только сваленные в кучу машины на перекрёстке и собирающаяся огромная пробка. Михалыч фиксирует камеру на этой куче-малой, боясь, что и она может в любой момент пропасть, будто странное наваждение. Из машин повылазили те, кто смог это сделать без посторонней помощи. Кто-то из них тут же начина-

ет названивать по телефону, отчаянно размахивая руками. Некоторые общаются друг с другом. Одни растерянно выпучив глаза, бросаются фразами, в которых присутствуют слова «аномалия» и «чертовщина»; другие, те, что потупее, начинают костерить оппонента, а им подобные отвечать в том же тоне.

«Ты чё, не видишь, что впереди авария? Какого хуя ты летишь, как ошалелый?!»

«А я то тут причём? Она сама! Там кот какой-то!»

«Ага...рассказывай мне про кота! Может это он вместо тебя за рулём сидел? Баран!»

«Сам ты баран!».

И дальше в таком духе.

Жизнь возвращается в своё русло.

«Пш-ш-ших-х-х!»

Двери плавно закрываются, и в вагоне тут же становится тихо. Мигание лампочек прекращается, вместо розовых котов на экранах появляется бегущая картинка с названием следующей станции.

Сидящий на полу в обнимку с дрищом, солдат, обводит вагон взглядом. Вокруг нет ни одного стоящего на ногах. Кто-то валяется на полу или на сидениях, некоторые сидят подобно ему. Несмотря на то, что двери закрылись и движение состава снова стало плавным, никто не спешит менять свои позиции.

– Ты как, пацан? – спрашивает солдат, у зажатого под мышкой, длинного.

– Норм! – пищит тот, сломанным дрожащим голосом. – А чё это было?

– Спроси чё полегче!

«Станция «Киевская»! – произносит привычный механический голос.

Двери открываются. На полупустом перроне несколько стоящих столбами людей. Они не торопятся войти внутрь, точнее, вообще не собираются. Из вагонов тоже никто не выходит. Пассажиры продолжают сидеть на полу и на сидениях, и, испуганно задрав колени к подбородкам, отрешённо смотрят перед собой. Взгляды тех, что снаружи, чем то похожи. Минуту назад они тоже познали что-то странное и страшное.

«Осторожно...двери закрываются...».

Внезапно всё затихает. Наташа стоит посреди коридора, боясь пошевелиться. Она не верит этой тишине. Только спустя минуту, она решается сделать несколько робких шагов в сторону кухни. Она аккуратно переступает босыми ногами, по остывающему полу; крадётся вдоль стенки мимо мёртвого, уткнувшегося в плинтус, пылесоса; осторожно заглядывает в дверной проём. На кухне всё спокойно, будто ничего и не было. Телевизор, плита и кофеварка молчат. Тостер застыл с умиротворённо распахнутой пастью.

Наташа уже начинает сомневаться в том, что это случи-

лось наяву и вспоминает слова психиатра, что частый приём седативных, особенно если их смешивать с вином, да ещё и с утра, может приводить к галлюцинациям. У неё есть последний шанс убедиться, что всё это происходило на самом деле.

Наташа поднимает глаза к потолку и видит чёрную кляксу, оставленную выстрелившим в него куском горелого батона. Ну конечно, вот и крошки, которые рассыпаны по полу мелкой дробью. Наташа трёт разглаженный ботексом подбородок, размышляя что делать? Радоваться, что она не сошла с ума, или напротив напрячься? Случился какой-то массовый глюк со всей находящейся в доме бытовой техникой. И ладно бы, если бы вся аппаратура была одной фирмы.

Тостер «Huinya», кофеварка «Shnyaga», телевизор «Zashkvar», пылесос «Pistes Vseomy», плита «Yebis Konem». Её Коленька покупает технику только продвинутых брендов. Даже вся электрика, компьютеры и оборудование тёплого пола от «Mudozvon Electronic». А это самый передовой в мире бренд.

Наташа вздрагивает и медленно опускается на стул. Внезапно она поняла, что объединяет всю эту технику. Она ищет глазами трубку, чтобы позвонить супругу, но, лежащий на столе, телефон, сам заходитяся вибрацией.

Увидев, высвечиваемое дисплеем, имя благоверного, Наташа радостно хватает телефон. Она открывает рот, собираясь обрушить на голову мужа водопад, включающий в себя страшную историю, догадки о случившемся, тревоги и опа-

сения. Завершиться всё должно как обычно обвинениями в адрес муженька. Он растяпа как всегда всё не так сделал. Купил не то, да ещё подключил не так. Но муж, нарушая этику и все законы субординации, вдруг начинает говорить первым, и не просто говорить, а орать в трубку.

– Натаха, я сегодня не приду. У нас Шалава с ума сошла. Ты не представляешь, что она сейчас вытворяла...

«Shalava» – роботизированная линия, по сборке автомобилей на заводе, где работает Коленька. Линия работает сама, без помощи рабочих и занимает собой огромный производственный комплекс.

– Она за минуту весь завод превратила в руины – шлюха позорная! – навзрыд причитает муж. – Мы в мониторы смотрели и просто охували! Там крылья, бампера и колёса по цеху летали. Роботы крушили всё вокруг. Прикинь, они даже дрались друг с другом. Махали стальными клешнями, и друг из дружки провода, будто волосы на башке, вырывали. В общем: Шалаве пиздец пришёл. Я даже не знаю, как мы её восстанавливать будем.

– Значит ты сегодня не придёшь домой? А то тут... – Наташа пытается робко намекнуть, что у неё тоже не всё в порядке, но не в меру напористый муж её тут же перебивает.

– Какой домой? Сейчас будет совещание, а потом всем гуртом дружно в цех – завалы разгрести. Как будет что-то ясно, перезвоню.

В трубке пищат короткие гудки. Наташа сидит, плясь в

чёрный экран, где отражается бледное треугольное лицо с непропорционально большими губами. Она не знает, что ей делать дальше. Ей не хочется включать телевизор, запускать робота, чтобы пропылесосил квартиру. А меньше всего ей хочется кофе и тостов. Единственная, пришедшая в голову, рациональная мысль, гласит: «А не намахнуть ли бокальчик «Апероля»».

С утра?

Ну и что? Мало ли что говорил этот доктор? Как показала практика, галлюцинации её не посещают. Хотя-я... может быть было бы и лучше, если бы всё произошедшее было просто галюном – глюком, посетившим отдельно взятую голову.

«Бимм...бимм...бимм...»

Лампочки на приборной панели прекращают свою пляску и горят в штатном режиме. На мониторе, вместо мультяшного котика, высвечиваются показатели высоты и расхода топлива. Рычаги возвращаются на свои места; самолёт плавно выходит из крена.

«Тополь один-один девять! У вас всё в порядке?!»

Веки командира медленно ползут вверх. Его будто пробудили ото сна, где бешеной чехардой проносилась вся его жизнь. Сон оборвался на самом интересном месте – курсантской юности, с розыгрышами сокурсников, множеством случайных связей, коньяком из горла в прикуску с шоколадкой и ночным покером.

– Тополь один-один девять! Да всё в порядке! – он пьяно созерцает приборную панель, которая видится ему ларцом с мерцающими внутри бриллиантами. – Идём сто сороковым эшелонном... – ватный язык еле ворочается в пересохшем горле. Насквозь промокшая рубаша прилипла к спине. – Р-разрешите заход на посадку!

– Тополь один-один девять... посадку разрешаю! У вас точно всё в порядке? – голос в динамике настороженно замирает.

– Были проблемы со связью. По прибытии сделаю подробный доклад...

– Тополь один-один девять! Всё в порядке... это не только у вас. Был общий сбой в системе. Сейчас всё в норме – работаем в штатном режиме!»

– Фуф! – командир долго выдыхает, сдуваясь, будто проколотый воздушный шар. – А у меня уже вся жизнь перед глазами пронеслась...

– Такая же фигня! – штурман вытирает рукавом холодные капельки со лба. – Думаю, ну всё! Глаза зажмурил, а там... детство сопливое, юность... Я даже любовь свою первую вспомнил. Представляете за много-много лет увидел в первый раз, как наяву.

– Ребята, а сколько времени прошло с момента, как появился этот котяра? – спрашивает только что воскресший второй пилот.

– Минута... не больше... – отвечает командир, глядя на ча-

сы на приборной панели.

– Минута! – мечтательно мычит второй пилот. – Я раньше и подумать не мог, что вся моя жизнь может уместиться в одну минуту. И это была не чехарда из событий. За эту минуту я прожил все самые счастливые и трагические моменты и прочувствовал их глубже, чем наяву. В жизни не всегда получается объективно реагировать на ту, или иную ситуацию, но когда смотришь на неё постфактум, объективно. Это – будто читать книгу с твоей биографией. Знаете... ребята... я хоть и в завязке, но сегодня по прилёту нажрусь как сапожник...

– Святое дело! – мурлычет командир, по лицу которого, ползёт приподнимающая усики улыбка. – Ой... надо же объявление сделать! – спохватывается он. – Дамы и господа! Наш самолёт снижается. Через двадцать минут мы совершим посадку в городе-герое... – Умиротворённый голос разливается по салону, где слышатся облегчённые вздохи и звуки молитвы.

06.05. 2036

08:17:03

«Дамы и господа! Наш самолёт снижается! Через двадцать минут...».

Глаза Кирилла открываются, являя матовое стекло, расположенного на спинке вперёдистоящего сидения, монитора. В чёрном экране отражается грушевидное лицо, в позолоченных очках и тревожным румянцем на пухлых щеках.

«Что это было?! – Кирилл рывком расстёгивает пуговицы, ставшей невыносимо тесной, белоснежной сорочки. – Это что...сон?!»

Пробивающийся из под запотевших стёкол очков, взгляд, бегаёт по салону бизнес-класса.

«Ну, конечно, сон!».

Сосед справа безмятежно откинулся на спинке, задрав ногу в лощёном ботинке, на колено другой. Миниатюрная стюардесса бегаёт по проходу с подносом шампанского.

Кирилл охотно берёт предложенный ему бокал и осушает его одним махом. Становится хорошо. Мысли возвращаются в рациональное русло.

«Ну конечно же это был сон! Если бы это случилось наяву, разве могло так резко и без последствий закончиться? Сосед спокоен как удав, и «стерва» бегаёт, как ни в чём не бывало. Это обыкновенный кошмар.»

Само слово «кошмар» почему-то настораживает Кирилла. Странно, что кошмар посетил его среди бела дня, во время полёта. Раньше такого не бывало, хотя-я всё когда-то случается впервые. И всё таки...что-то не даёт ему полностью успокоиться. Наверное это реалистичность кошмара, а главное его контекст. Он понимает, с чем это может быть связано. Сегодня вступил в силу, инспирированный, возглавляемой им фракцией, закон о повышении пошлин. Этот закон направлен на поддержку отечественного производства, и согласно ему, для некоторых дружественных стран троекратно

вырастают пошрины на стратегически важное сырьё.

«Да-а! А если бы это было реальностью? Если это их ответ? – Кирилл чешет гладковыбритый мясистый подбородок. – Да ну...успокойся и не парься! – он тут же парирует сам себе. – Ну надо же присниться такой хренотени! Надо ребятам рассказать.» – он улыбается и смотрит на позолоченные часы. Звон в ушах говорит о том, что самолёт стремительно снижается.

«Хм-м...а что если проверить?! Просто так...ради прикола? – мысленно спрашивает сам себя Кирилл. – Да ну...ну чё ты, как маленький! – отвечает он опять же себе. – Ссышь? – подначивает одна половинка. – Ни капельки! –отвечает ей вторая. – Ну если ты так просишь!».

Кирилл достаёт телефон. Пухлый палец нажимает на папку с сохранёнными файлами. Там, во сне, во время появления этого кота, он сделал небольшое видео.

Палец давит на иконку, изображающую крошечную камеру.

На вибрирующем в дрожащей руке, дисплее, приветливо машет лапкой маленький розовый котик...

«Ни-и-и-ха-ао!».

25.02.2024 Олег Механик